

УДК 821.111

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ РУТ ДЖАБВАЛЫ «ЖАРА И ПЫЛЬ»

© Зульфия Зиннатуллина, Алсу Ашрапова

THE SYSTEM OF IMAGES IN RUTH JHABVALA'S NOVEL "HEAT AND DUST"

Zulfiya Zinnatullina, Alsu Ashrapova

Ruth Jhabvala was one of the most famous English writers in the 1960–1970s. She is the only person to have won both a Booker Prize and an Oscar. She spent most of her life in India, consequently, the main theme of her novels is the relationship between the East and the West. This paper considers Ruth Jhabvala's novel "Heat and Dust" (1975). We analyze the system of images, which illustrates the author's position with respect to the above mentioned issue. The action takes place in two time layers: colonial and postcolonial periods. However, there are no changes in the small Indian town of Satipur. It seems that time stands still there. This situation is realized through the dual motif of the two main female characters: Olivia and the narrator herself whose name we will never know. The latter practically repeats the life of Olivia. We can single out a group of characters who lose their real identity, trying to become a part of another civilization. These characters are found both in the East and in the West.

Keywords: Ruth Jhabvala, colonial discourse, postcolonialism, India, English literature.

Рут Правер Джабвала – одна из известных англоязычных писателей 60–70-х годов XX века. Она является единственным в мире человеком, получившим и премию «Оскар», и Букеровскую премию. Долгое время она жила в Индии, поэтому большинство ее произведений так или иначе затрагивают проблему взаимоотношений Запада и Востока. В данной статье мы рассмотрим ее самый известный роман «Жара и пыль» (1975) и систему образов, посредством которых автор проясняет свою позицию относительно указанной проблемы. Действие романа происходит в двух временных пластах, но, несмотря на это, время в небольшом индийском городке Сатипур, где происходит действие, как бы остановилось, с наступлением новой эпохи кардинальных изменений не произошло. Это реализуется и через наличие в романе мотива двойничества двух главных героинь: Оливии и самой рассказчицы, имя которой мы так и не узнаем. Последняя практически повторяет жизненный путь первой. Также можно в отдельную группу выделить тех персонажей, которые лишаются своей идентичности, пытаясь стать частью другого мира. Они встречаются как Запада, так и среди представителей Востока.

Ключевые слова: Рут Джабвала, колониальный дискурс, постколониализм, Индия, английская литература.

Рут Правер Джабвала – англоязычная писательница, сценарист. В 1975 она стала лауреатом Букеровской премии, а в 1985 и 1991 годах получила премию «Оскар» за лучший адаптированный сценарий к фильмам «Комната с видом» и «Говардс Энд» по романам Эдварда Моргана Форстера. Таким образом, она является единственным в мире человеком, получившим обе премии.

Биографию Джабвалы можно назвать «мультикультурной». Она – дочь польских евреев, которые бежали от нацизма в Британию в 1939 году, когда будущей писательнице было 12 лет. Получив британское образование, Джабвала выходит замуж за индийского архитектора и вместе с ним переезжает в Индию, где проводит около 25 лет своей жизни.

Как утверждает сама писательница, в этой стране она вела довольно замкнутый образ жизни, общаясь в основном только с членами своей семьи, поэтому некоторые критики обвиняли ее в том, что некоторые описываемые ею ситуации в произведениях не совсем соответствуют индийской действительности. На эти упреки сама писательница в своих интервью отвечала: «На самом деле, если вы писатель, вам не надо большого количества реальных контактов. Я считаю, что получаю намного больше из-за того, что это происходит нечасто, чем если бы я выходила каждый день. Я иногда неделями, месяцами не покидаю свой дом, но когда я выхожу, я так воодушевляюсь, что каждый вид, каждый звук как будто новые, и то же самое происходит с людьми».

ми. Каждый человек, которого я встречаю, представляет собой огромную личность» (перевод наш – З. З., А. А.) [Rutherford, Petersen, с. 375]. Для нее главная задача писателя – внести вымысел в реальную жизнь.

Несмотря на то что Джабвала большую часть своей жизни провела на Востоке, она остается англоязычным писателем, носителем европейского сознания и культуры. Она пишет в первую очередь для представителей западной цивилизации и является продолжателем традиций «the literature of Raj»¹, т. е. литературы британской Индии. Поэтому очень часто местом действия своих романов Р. Джабвала делает Индию. Это касается таких произведений как, «Эсмонд в Индии» (1958), «Новый доминион» (1972), «Опыт Индии» (1971) и др. Необходимо отметить, что в тот период (70-ые годы XX века) тема Индии является довольно популярной, к примеру, можно указать романы Дж. Г. Фаррела, П. Скотта и др. писателей. Это, по мнению исследователя О. Г. Сидоровой, «было обусловлено причинами исторического и социального характера» [Сидорова, с. 137]. В данный список можно включить и самое известное произведение Р. Джабвалы – «Жара и пыль» (1975).

Действие данного романа происходит в двух временных пластах: в 1923 году – в колониальной период, главной героиней здесь является Оливия, и в 1970-ые годы, то есть в эпоху постколониализма, где главной героиней становится сама рассказчица, имени которой мы так и не узнаем.

Репрезентация событий осуществляется через сознание главной героини, которая приехала в Индию, в город Сатипур, для того, чтобы узнать подробности о жизни первой жены своего деда – Оливии, которая была окружена ореолом таинственности в семье главной героини, так как о ней не любили вспоминать:

Они были жизнерадостными женщинами с разумными и современными взглядами на жизнь, но, тем не менее, по словам моих родителей, многие годы их невозможно было заставить говорить об Оливии [Джабвала].

Также в романе через историю побега Оливии с индийским принцем происходит актуализация романтического дискурса. Именно это становится стимулом для рассказчицы провести своеобразное исследование этой романтической истории, где единственным источником информации становятся письма Оливии, которые она писала своей сестре Марсии:

Она отдала ему все письма Оливии, и он показал их старым дамам. Так эти письма впервые попали ко мне, а сейчас я привезла их с собой в Индию [Там же].

Таким образом, сама структура романа «Жара и пыль» представляет собой синтез дневника главной героини и ее пересказа содержания писем своей предшественницы, повествование ведется в определенном смысле «от имени образованного белого человека» [Вафина, с. 224], в результате чего рассказчица одновременно выступает в качестве читателя (писем) и нарратора (дневник и пересказ), и, таким образом, в романе образуются два нарративных уровня [Kitley].

Такая двойственность главной героини усложняется и тем, что она в то же время является и двойником Оливии. Это проявляется как на уровне хронотопа (они обе приезжают в Индию из Англии, дневник рассказчицы завершается в сентябре, побег Оливии также датируется первым месяцем осени, героини посещают одни и те же места), так и на сюжетном уровне, так как рассказчица практически повторяет жизненный путь Оливии. Во-первых, у обеих героинь возникает связь с женатыми индийцами. У Оливии случается роман с принцем Навабом, который, хотя и не афишировал это, но был женат:

– Женат, но его жена с ним не живет. – Это был прямой ответ человека, не желающего приукрашивать события. – Она нездорова, – добавила миссис Кроуфорд, – душевнобольная [Джабвала].

У главной героини – отношения с Индером Лалом, человеком, в доме которого она снимала комнату. Первая сексуальная связь у обеих героинь с их индийскими любовниками также происходит в одном и том же месте: в роще рядом с храмом Баба Фирдауша. Результатом обеих связей становится беременность героинь, которые до этого не могли забеременеть от своих западных партнеров.

В итоге обе героини решают остаться жить в Индии, хотя происходит разрушение романтической модели, и эти отношения не завершаются «долгой и счастливой» жизнью героинь с их индийскими любовниками. Оливия переезжает выше в горы, где Наваб покупает ей дом, и проживает там остатки своих дней практически в одиночестве:

Ее дом и сейчас там. Мне пришлось выждать несколько дней, пока не прекратился дождь и я смогла подняться наверх. Домик стоит себе на краю горы; наверно, из него открывается восхитительный вид, хотя в это время года оттуда ничего, кроме облаков, не видно [Там же].

¹ Подробнее об этом термине см.: [Сидорова].

Именно в этот дом отправляется и главная героиня:

Я с нетерпением жду окончания дождей, потому что хочу подняться выше... Возможно, это будет именно то, что видела Оливия: тот же вид или видение, что все годы наполняли ее глаза и душу [Там же].

Все же в финале происходит своеобразный разрыв судеб этих героинь: рассказчица, в отличие от своей предшественницы, которая сделала аборт, решает сохранить ребенка. Оливия оказывается лишь этапом, который главная героиня переросла, поэтому она не остается навсегда в доме Оливии, а планирует отправиться дальше:

«Потом я переберусь повыше – в ашрам, говорят, там смогут меня принять [Там же].

Но вопрос о правильности такого решения и дальнейшая судьба рассказчицы остаются нераскрытыми.

Рут Джабвала во многих своих интервью подчеркивала, что для нее неприемлемы попытки представителей одной цивилизации стать частью другой. Скорее всего, именно поэтому и сама Джабвала, несмотря на столь долгий срок жизни в Индии, всегда считала себя носителем западной культуры. Эта позиция реализуется и через образную систему романа «Жара и пыль»: все герои, которые отказываются от своей изначальной идентичности и пытаются следовать модели поведения другой цивилизации, представлены как несостоятельные. На протяжении всего романа подчеркивается неестественность такого смешения цивилизаций. Так, рассказчица рассуждает:

И он совершенно разбит не только физически, но и духовно. Относится ли этот врачебный вердикт к европейской душе, а не только к телу? Соглашаться я не хочу – не хочу, чтобы это оказалось правдой [Там же].

Во-первых, в такой ситуации оказывается Оливия: ее побег к Навабу, отказ от типичной для колониального дискурса модели поведения белой женщины приводит к одинокому существованию в чужой стране. Даже ее смерть и похороны свидетельствуют об утрате ее идентичности, но при этом новую идентичность она так и не обрела (*Лишь немца кремировали в индуистском крематории да Оливию* [Там же]), несмотря на то, что она не была индуистской. То же самое происходит и с другой героиней. Ее несостоятельность реализуется через внешний облик:

главная героиня как бы лишается своего женского начала:

Хотя одета я, как индийская женщина, дети все равно бегают за мной, но мне безразлично, я уверена, что скоро они ко мне привыкнут. Есть одно слово, которым меня все время называют: «хиджра» [Там же].

Хиджры – мужчины, одетые в женскую одежду и устраивающие представления. Таким образом, вместе с потерей культурной идентичности героиня переживает и потерю гендерной.

Сам Наваб представлен в романе как довольно эксцентричный человек, которого постоянно преследуют перепады настроения. С одной стороны, он гордится своим титулом принца, но в то же время пытается быть частью «цивилизованного» английского мира:

Вполне возможно: существует множество историй о здешних чудесах. Вы слышали историю о Дне мужниной свадьбы? Это, конечно, ненаучно, и образованные люди, вроде нас с вами... [Там же].

В данном аспекте он в определенной мере напоминает образ Розмари из романа Э. Берджесса «Восточные постели», которая «тоскует об Англии как о своей родине, мечтая выйти замуж только за англичанина» [Хабибуллина, с. 109]. Такие же неоднозначные отношения у него с Гарри, которого он любит и окружает заботой, но не отпускает его от себя, хотя и видит, что нахождение в таких климатических условиях становится для него невыносимым. Все это выглядит довольно нелепо и становится проявлением потери идентичности и двойственности самого Наваба. Снижение данного образа происходит и за счет включения в повествование истории его предков, которые были простыми разбойниками. И сам Наваб будто пытается соответствовать им, поэтому в романе присутствует намек на его связь с мусульманскими террористами. Дворец Наваба также является символом его несостоятельности: он заполнен западными вещами и предметами, но они либо вообще не используются, либо уже стали непригодны для использования из-за климата:

Разбухшие клавиши застревали, и, когда Оливия попробовала поиграть, раздалось лишь резкое дребезжание [Джабвала].

Упадок, царящий во дворце, образ жизни, который ведет Наваб и который не соответствует его финансовому состоянию, – все это создает впечатление дисгармонии, которая окружает этот образ.

То же впечатление производит и племянник Наваба Карим, описанный в романе как *невероятно красивый молодой человек, одетый по последнему писку лондонской моды* [Там же]. При этом весь интерьер его лондонской квартиры противоречит его внешности:

Все было индийским, подобно почти всем присутствующим. Звучала запись индийского сарода, которую никто не слушал, но она служила фоном для их бесед, проходивших на высоких, как бы птичьих нотах [Там же].

За счет всего этого создается впечатление о двойственности такого подхода к жизни. По мнению Р. Джабвалы, невозможно сохранить свою идентичность, при этом притворяясь кем-то другим и пытаясь явиться частью двух миров одновременно.

В зеркально симметричной ситуации оказывается англичанин Чид, который, поддавшись веяниям моды, приехал в Индию «с духовной целью». Потеря его идентичности начинается с отказа от своего имени:

Он нашел гуру, который произвел обряд посвящения и освободил его от всех индивидуальных особенностей, а также и от всего остального, включая имя [Там же].

В дальнейшем Чид совершает паломничество, взяв на себя роль садху². Опять же, по мнению Р. Джабвалы, такое увлечение европейца индуизмом и попытка стать частью мира, к которому он изначально не принадлежал, является неприемлемым, так как европеец неспособен к пониманию основ индуизма и весь его путь духовного развития является как бы ненастоящим, иллюзорным. Все попытки Чиды вести себя, как индеец, говорить, как индеец, больше напоминают фарс. Поэтому практически на протяжении всего периода нахождения Чиды в Индии он страдает точно так же, как и Гарри, от местных кухни и климата. В итоге Чид все же переживает духовное перерождение, но оно связано с процессом возвращения к своей европейской идентичности. Сначала он начинает носить рубашку и брюки, отказывается от индийской кухни:

Чид больше не переносит индийскую пищу. Он ест только безвкусную отварную еду, а больше всего ему нравится, когда я варю ему английский суп [Там же].

Затем он лечится в английской больнице и в конце возвращается в Англию.

Символичным также является то, что у англичан, переехавших в Индию, не рождаются дети или умирают в младенчестве (у Оливии, у Сондерсов). Джабвала пишет, что к тому же в Сатипурском христианском кладбище *большинство могил были младенческие и детские* [Там же], таким образом акцентируя внимание на невозможности естественного прироста английского населения в чужом пространстве.

Противопоставлены этим образам персонажи, которые даже в окружении носителей другой культуры сохраняют верность своей цивилизации. К ним можно отнести Дугласа, мужа Оливии, который в романе является воплощением английской сдержанности и рассудительности. Кроме того, через данный образ в роман входит идея мессианства, носителем которой в романе становится женщина-миссионер, с которой рассказчица познакомилась в самом начале романа. Она утверждала, *что живет в Индии уже тридцать лет и готова умереть здесь, если ей это назначено судьбой* [Там же]. Несмотря на столь долгий срок, проведенный в чужой стране, она смогла сохранить свою веру и свою идентичность.

Это все позволяет говорить о том, что через образную систему своего романа Р. Джабвала иллюстрирует идею о невозможности смены человеком своей цивилизационной принадлежности. Любые попытки человека стать частью другого, чуждого ему мира приводят к потере им своей идентичности, что реализуется в романе через таких персонажей, как рассказчица, Оливия, Чид и Наваб. И, наоборот, транслируется идея состоятельности героев, таких как Дуглас, женщина-миссионер, сохранивших верность своей цивилизации в окружении чужой культуры.

Список литературы

Вафина А. Х. Оппозиция «свой – чужой» в произведении Г. Хаггарда «Последняя бурская война» // Филология и культура. Philology and Culture. № 3 (37). 2014. С. 224–228.

Джабвала Р. П. Жара и пыль. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=314793> (дата обращения: 20.04.2017).

Сидорова О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 262 с.

Хабидуллина Л. Ф. Постколониальная проблематика в английской литературе середины XX века // Вестник Татарского Государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 1 (19). С. 106–111.

² Садху – индуистский аскет, святой, йогин, более не стремящийся к осуществлению трех целей жизни индуизма.

Kitley P. T. Time and scriptable lives in Ruth Praver Jhabvala's «Heat and Dust» // World Literature Written in English. Vol. 32, Iss. 1, 1992. Pp. 55–65.

Rutherford A., Petersen K. H. Heat and dust: Ruth Praver Jhabvala's experience of India // World Literature Written in English. Vol. 15, Iss. 2, 1976. Pp. 373–377.

References

Dzhabvala, R. P. (1975). *Zhara i pyl'* [Heat and Dust]. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=314793> (accessed: 20.04.2017). (In Russian)

Khabibullina, L. F. (2010). *Postkolonial'naiia problematika v angliiskoi literature serediny XX veka* [Post-Colonial Problems in the English Literature of the Mid-Twentieth Century]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, No.1 (19), pp. 106–111. (In Russian)

Kitley, P. T. (1992). *Time and Scriptable Lives in Ruth Praver Jhabvala's "Heat and Dust"*. World Literature Written in English, Vol. 32, Iss. 1, pp. 55–65. (In English)

Rutherford, A., Petersen, K. H. (1976). *Heat and Dust: Ruth Praver Jhabvala's Experience of India*. World Literature Written in English, Vol. 15, Iss. 2, pp. 373–377. (In English)

Sidorova, O. G. (2005). *Britanskii postkolonial'nyi roman poslednei treti XX veka v kontekste literatury Velikobritanii* [British Postcolonial Novel in the Late 20th Century in the Context of British Literature]. 262 p. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian)

Vafina, A. Kh. (2014). *Oppozitsiia "svoi – chuzhoi" v proizvedenii G. Khaggarda "Posledniaia burskaia voina"* [The Opposition "Friend or Foe" in "The Last Boor War" by Haggard]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, No. 3 (37), pp. 224–228. (In Russian)

The article was submitted on 12.05.2017

Поступила в редакцию 12.05.2017

Зиннатуллина Зульфия Рафисовна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zin-zulya@mail.ru

Ашрапова Алсу Халиловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tatarandlanguages@gmail.com

Zinnatullina Zulfiya Rafisovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zin-zulya@mail.ru

Ashrapova Alsu Khalilovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tatarandlanguages@gmail.com